

Глава 10. Е Байлан слушается его

У Ци Цзю дел тоже было невпроворот.

Тело, которое ему досталось, было изношено до предела, и долгой жизни ему не сулило. Даже если бы сработал какой-нибудь редкий бафф вроде «Жизнь, какая бы ни была, лучше смерти», протянул бы он в лучшем случае месяцев одиннадцать. Таковы были настройки системы. В этом мире, лишенном Бюро перемещений в книги и красивых легенд, всё подчинялось неумолимому циклу: рождение, старость, болезни и смерть. Люди приходили и уходили, и никто не был волен это изменить.

Ци Цзю коротал время в буферной зоне, доедая третью за вечер порцию цифровой говяжьей лапши.

На этот раз он выбрал вариант «адски острый» и явно переоценил свои возможности. Вытянув салфетку, он принялся вытирать неволью катящиеся слезы.

— Который раз уже? — прогундосил он.

«Седьмой», — Система услужливо придвинула к нему коробку с салфетками. Датчик на ее панели мигнул, следом раздалось уведомление: «Е Байлан здесь».

Ци Цзю отставил пустую чашу, вытер лицо и нахмурился.

Этой ночью его тело реанимировали уже семь раз. Семь раз его буквально за шиворот вытаскивали из лап смерти. В больнице царила суматоха: врачи носились по коридорам, обливаясь потом, но и Ци Цзю без дела не сидел. Его сознание постоянно швыряло то в «зал ожидания для мертвецов», то обратно в мир живых. В этом хаосе и бесконечной борьбе за существование он едва не забыл о Е Байлане, которого сам же отправил в полицейский участок.

— Неужели следствие продвигается так быстро? — Ци Цзю взял у Системы бинокль, чтобы взглянуть на происходящее снаружи.

Его физическая оболочка сейчас неподвижно лежала на каталке. Дыхание и пульс поддерживались лишь приборами. Несмотря на то что температуру тела удалось немного поднять, Ци Цзю всё еще пугал своей мертвенной бледностью. Это была та самая синюшная, тяжелая бледность, свойственная лишь тем, кто уже стоит на пороге небытия. Лица таких людей становятся пустыми и безучастными; как бы их ни трясли, как бы ни пытались привести в чувство, они остаются холодными и безмолвными.

Ци Цзю очень не хотел, чтобы Байлан видел его таким. Без крайней нужды лучше было не допускать подобных встреч.

«Е Байлан вел себя образцово, — Система вывела данные социального «золотого пальца», который активировался у подопечного сразу после госпитализации Ци Цзю. — Уровень прогресса достиг шестидесяти одного и семи процента. Мы получим неплохую премию».

Ци Цзю тут же достал калькулятор и занес неожиданную прибыль в список доходов.

«Кажется, Е Байлан решил во всём тебя слушаться, — добавила Система. — Он намерен делать в точности так, как ты учил».

Ци Цзю только успел убрать калькулятор, намереваясь активировать опухоль в мозгу и досрочно покинуть сцену, как замер:

— Серьезно?!

«...Скорее всего, — Система пролистала записи. Байлан произнес это мысленно, но программа успела зафиксировать отголосок. — Датчики еще не совсем стабильны, так что информация отрывочна».

В моменты, когда Байлан думал об этом, его чувства были на пике, а внутренний голос — наиболее отчетливым. Среди прочих четко зафиксированных мыслей значились: «Хочу укунить Ци Цзю», «Хочу искромсать тех уродов и бросить в могилу» и... «Брат».

В лесу, когда Байлан прижался к нему, это слово впервые сорвалось с его губ. Тогда в нем не было эмоций, а сейчас, согласно анализу, Байлан просто повторял его как заведенный, снова и снова. Что же касается категории «надежда и молитвы», то здесь датчики молчали. Байлан не молил небо о спасении Ци Цзю.

Казалось, он просто... не смел на это надеяться.

Он не смел даже мечтать о том, что Ци Цзю выживет.

Ци Цзю отложил детонатор. Он бегло просмотрел отчет, предоставленный Системой, и снова потянулся к биноклю.

Больница была государственной, и Е Байлан, будучи здесь, не пользовался никакими привилегиями. Для персонала он был обычным родственником пациента. А если не повезет, этот статус вскоре мог смениться на «родственник покойного». Ни у кого не было времени заниматься им, но Байлан, кажется, и не возражал. Кутаясь в тяжелое, плотное пальто, он стоял в больничном коридоре, напоминая неуспокоенный дух, привязанный к одному месту.

Пальто было новым, явно дорогим и роскошным, но сидело на нем плохо — оно было на несколько размеров больше, чем нужно. Байлан буквально прятался в нем, забившись в тень в углу коридора, и на фоне его мертвенно-бледного лица глаза казались пугающе черными.

— Посмотри на него, — Ци Цзю обратился к Системе. — Если он и впрямь будет таким послушным, мы ведь сможем закрыть план на максимум, верно?

Система произвела расчеты: «Вероятность составляет восемьдесят девять и шесть процента».

Байлан был умен и талантлив от природы, но отсутствие должного воспитания превратило его в искаленную, глубоко травмированную личность. Если он действительно доверится Ци Цзю и будет следовать его советам, их миссия по внедрению «Золотого пальца» пойдет семимильными шагами. Возможно, они даже получают высший разряд бонусов.

С другой стороны, сотрудникам Бюро категорически запрещалось становиться причиной смерти ключевых персонажей. Если Ци Цзю решит добровольно активировать опухоль, он лишится привилегий «буферной зоны». Иными словами, ему придется лично занять то тело на больничной койке и прочувствовать каждую секунду до последнего вдоха. И какой бы быстрой и безболезненной ни была эта смерть, она останется настоящей.

— Решено, — Ци Цзю быстро взвесил все «за» и «против». Плюсы перевешивали. Ему нужно было вернуться, чтобы хоть немного пригладить шерстку этому вконец потерянному волчонку.
— Включай режим энергосбережения. Плевать на детали, главное — чтобы тело дышало.

Пока Система подгоняла показатели жизнеобеспечения, Ци Цзю доел лапшу, вытер рот салфеткой и, затаив дыхание, закрыл глаза. Ему даже не пришлось прилагать усилий — медицинские приборы, точно невидимые тросы, выдернули его из того мира и грубо впихнули обратно в изрешеченную болезнями оболочку.

Седьмая реанимация спустя двадцать минут увенчалась успехом. Пациент миновал критическую черту и был переведен в отделение интенсивной терапии. Спустя три дня его состояние стабилизировалось достаточно, чтобы перевести его в обычную палату.

Ци Цзю открыл глаза и первым делом вздрогнул.

Е Байлан стоял прямо у его кровати. Всё то же черное пальто, всё те же спутанные волосы, бледное лицо и бездонные глаза. Единственное изменение — он был бос. Байлан просто стоял, опустив руки, и неподвижно, не дыша, смотрел на него.

От неожиданности Ци Цзю чуть снова не испустил дух.

— Е... Байлан?

Голос прозвучал глухо и медленно. Спустя пару секунд Ци Цзю так и не смог придумать лучшего приветствия, чем:

— Ты жив?

Говорить быстро не получалось: долгое беспмятство иссушило горло, не говоря уже о том, что во время реанимации ему без церемоний впихивали трубку для интубации. В горле першило. Ци Цзю попытался откашляться, но это лишь вызвало приступ слабой, но мучительной хрипоты.

Байлан, казалось, очнулся от этого звука. Он придержал Ци Цзю за плечи, помог изменить наклон кровати и поднес поилку. Его движения были точными, но резкими — так ведут себя опытные, огрубевшие от тяжелой работы санитары.

Ци Цзю вынудили проглотить порцию воды. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Байлан снова надавил ему на челюсть, вливая новую порцию.

«Так дело не пойдет», — подумал Ци Цзю и плотно сжал губы. Собрав остатки сил, он ухватил Байлана за палец.

Неизвестно, как именно Система настроила параметры, но «режим энергосбережения» работал неплохо. Сил было мало, ноги оставались совершенно бесчувственными, но руки слушались, а голос постепенно возвращался. Зрение было затуманено, но если набраться терпения и всматриваться подольше, очертания предметов становились различимыми. К тому же у него была трансляция с камер Системы, так что полагаться только на собственные глаза не приходилось.

— Е Байлан, — позвал Ци Цзю. — Посмотри на меня.

Взор Байлана переместился с трудом — это было тяжелое, непривычное движение, потребовавшее немалых усилий. Наконец его глаза встретились с глазами Ци Цзю.

Ци Цзю осторожно пошевелил правой рукой, ощупывая всё, до чего мог дотянуться. Всего за несколько дней Байлан превратился в живой скелет — кожа едва ли не вплотную обтягивала кости.

Ци Цзю сокрушенно вздохнул. Прикидывая в уме план по откорму этого «волчонка», он чуть сильнее сжал руку и слегка ущипнул Байлана за талию.

Тот мгновенно отпрянул. Байлан отскочил назад, неверяще уставившись на Ци Цзю. Его лицо выражало крайнюю степень потрясения, будто он столкнулся с чем-то запредельным. Редко когда на лице Байлана можно было увидеть такое ошеломление. Ци Цзю невольно улыбнулся — ему очень захотелось погладить этого волчонка по голове.

Увы, сил на это не было. Даже мимолетное прикосновение к чужим пальцам стоило ему огромного труда — перед глазами заплясали искры.

— Воды... дай еще воды.

Не успело слово сорваться с губ, как Байлан снова был рядом. Одной рукой он бесцеремонно приоткрыл ему рот, а другой сунул поилку. Двигался он жестко — Ци Цзю даже почувствовал острую боль в небе.

Осушив поилку до капли, Ци Цзю оставил попытки подшучивать. Он перенастроил обзор Системы, чтобы проверить рану на ладони Байлана.

Воспаления не было, как не было и красноты, но эти перемены трудно было назвать добрыми. Рана выглядела странно — она словно иссохла. Кожа не срасталась, но и крови не было. Казалось, время для этого пореза остановилось. Он замер в той точке, где мир перестал существовать, став серым и безжизненным.

Точно так же, как и стоящий рядом Е Байлан.

Ци Цзю нахмурился.

Он лежал на руке Байлана, и под этим углом камера запечатлела подкладку манжета его пальто. Там золотыми нитями было вышито имя.

«Ци Цзю».

Байлан тайно заказал это пальто, надеясь подарить его после банкета. Почерк у Байлана был ужасным — буквы кривые, нескладные, будто писал ребенок, едва научившийся держать кисть. Но привычка метить территорию осталась неизменной: он сам начертал имя Ци Цзю и велел вышить его — нескладно, но властно.

А потом он просто не успел вручить подарок.

Обычный вечер обернулся катастрофой. Ци Цзю связал его, чтобы пойти на смерть вместо него. А потом Байлан бросился следом, и Ци Цзю пришлось выжать из себя всё до капли, чтобы вернуться и вытащить его из той ледяной реки.

Все эти дни Байлан носил пальто, предназначавшееся Ци Цзю, и думал о своих ошибках. Он совершил их немало. Он действовал слишком безрассудно, не зная меры, нажил слишком много врагов... С таким образом жизни он никогда бы не смог уберечь этого капризного и проблемного лжеца.

Но была и другая, самая страшная ошибка: он не поверил словам Ци Цзю. Тот несколько раз упоминал об опухоли в голове, а Байлан не воспринимал это всерьез. Он считал себя преступником, заслуживающим самой суровой кары.

Дни напролет он смотрел на неподвижного Ци Цзю, опутанного проводами приборов, и, подражая полицейским, пункт за пунктом вел учет своих грехов. Самым тяжким из них было то, что он выжил в той реке. Он должен был отдать все шансы Ци Цзю, а самому остаться там, на дне, даровав тому свободу. Тогда Ци Цзю не пришлось бы его спасать, не пришлось бы выкачивать воду из его легких. У него осталось бы больше сил, и, возможно, он смог бы найти хижину охотника в лесной чаще.

— Е Байлан? — Ци Цзю не мог понять, о чем тот думает. — Подойди, присядь рядом.

Он спросил:

— Почему ты босой?

Байлан на мгновение замер. Он никогда не задумывался об этом. Опустив взгляд на свои ноги, он медленно произнес:

— Не знаю.

Этого пункта не было в его «списке прегрешений», но если Ци Цзю это задевает, он готов его добавить. Одним визитом больше, одним меньше — значения уже не имело.

Ци Цзю вздохнул. Превозмогая слабость, он оперся на локти, пытаясь сесть. Байлан тут же бросился на помощь. Свою трость он где-то бросил, поэтому шел, сильно хромя и едва не спотыкаясь о стоящие на пути препятствия.

Он крепко обнял Ци Цзю.

— Е Байлан... сядь. Сядь и обними меня нормально.

Байлан послушался.

Ци Цзю перевел дыхание — объятия были такими крепкими, что из него едва не выбили дух. Прижавшись к плечу Байлана, он продолжил свой «осмотр», ощупывая его. Тот похудел до костей. Байлан сидел неподвижно, бережно поддерживая его голову; его грудная клетка, на которой четко проступали ребра, тяжело вздымалась и опускалась в такт дыханию.

— Молодец, — Ци Цзю извлек из памяти хоть что-то, за что можно было похвалить. — Надел теплое белье.

Байлан на мгновение затих, прежде чем хрипло переспросить:

— Молодец?..

— Угу, — Ци Цзю невольно улыбнулся, хотя голова всё еще раскалывалась. — Плюс пять баллов. Ладно, пусть будет десять.

Байлан опустил голову. В его черных, как пропасть, глазах при слове «молодец» промелькнул слабый огонек, но он тут же угас, как круги на воде от брошенного камня.

— Тогда... — Байлан медленно подбирал слова. — Ты... готов вернуться?

Произнося это, он начал дрожать. Эта дрожь шла из самой глубины костей, ее невозможно было сдержать. Дыхание стало прерывистым, переходя в свистящий хрип.

Ци Цзю нахмурился. С самого пробуждения он чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, в чем дело.

— Вернуться куда... Домой?

При этом слове Байлана словно ударило током. По спине пробежала странная судорога, которую он с трудом подавил. Несмотря на сильную дрожь, лицо его оставалось пугающе спокойным. Он качнул головой, и его речь вдруг стала беглой:

— Ты возвращайся. На берег. В больницу.

Он сам находился в больнице, но его сознание, охваченное бредом, всё еще было там, в ледяной реке. Это было единственное место, где он чувствовал себя живым. Ведь здесь Ци Цзю лежал неподвижно, не открывал глаз и не заговаривал с ним.

Байлан ухаживал за ним неотлучно, за эти дни превратившись в умелого санитаря. Но все вокруг твердили ему: шансы на пробуждение Ци Цзю ничтожны. В лучшем случае он будет годами лежать овощем, пока опухоль окончательно не раздавит ствол мозга.

Байлан понимал, что это значит.

Телом он был здесь, подле Ци Цзю, но его личность постоянно распадалась. Он жаждал вернуться в тот миг, когда ледяная вода смыкалась над их головами. Он хотел быть при смерти, лишь бы Ци Цзю был жив и в сознании. Байлан раз за разом погружался в эти видения — это был его единственный способ спастись от всепоглощающего отчаяния. Он просто не смел верить в то, что Ци Цзю в больнице действительно очнется.

— Похорони меня... или просто оставь в реке, — в состоянии бреда его речь стала уверенной, вернулись прежние интонации. — Приведи полицию, пусть опознают труп.

— Подделай завещание. Напиши, что я оставляю тебе все деньги и дома... Ты ведь мошенник, тебе это раз плюнуть.

— Семью Е не бери. Это проклятое место, только беды накличешь. Сгинешь ни за что.

— О теле не беспокойся. Пусть хоть крысам скормят, мне всё равно.

Состояние Байлана было критическим. Ци Цзю, нахмурившись, велел Системе перераспределить ресурсы и крепко обнял его, пытаясь успокоить:

— Волчонок?

— Приди в себя. Посмотри на меня, — Ци Цзю коснулся его лба, похлопал по щеке. Кожа была влажной и ледяной. — Я уже очнулся. Мы в больнице.

Но Байлан не слышал. Погруженный в свои галлюцинации, он оставался пугающе покорным. Поджав колени, он прижался к Ци Цзю, точно ища защиты. Он обхватил его шею руками. Перед его глазами всё еще бурлила река. Ледяная вода сковывала их тела. Смерть здесь казалась избавлением, но Ци Цзю не должен был оставаться с ним.

Ци Цзю опустил голову:

— Е Байлан?

Байлан накрыл губы Ци Цзю своими, пытаясь в своем бреде передать ему остатки воздуха. Он силой разомкнул его зубы, выдыхая в него всё, что было в его собственных легких. Резким, судорожным движением он надавил на свою диафрагму, вталкивая живительный поток воздуха в горло Ци Цзю.

<http://bllate.org/book/16113/1587927>